

Жизнь человека и мир природы в лирике А. А. Фета (на примере 2-3 стихотворений)	1
Тема любви в лирике А. А. Фета	2
“Поэзия Фета — сама природа, зеркально глядящая через человеческую душу...” (К. Бальмонт)	5
Основные мотивы и образы поэзии А. А. Фета	7

Жизнь человека и мир природы в лирике А. А. Фета (на примере 2-3 стихотворений)

Пейзажная лирика составляет основное богатство лирики Фета. Фет умеет увидеть и услышать в природе необычайно много, изобразить ее сокровенный мир, передать свое романтическое восхищение от встречи с природой, философские раздумья, рожденные при созерцании ее облика. Фету присуща удивительная тонкость живописца, многообразие переживаний, рожденных от общения с природой. В основе фетовской поэтики — особая философия, выражающая зримые и незримые связи человека и природы (циклы «Весна», «Лето», «Осень», «Снега», «Гадания», «Вечера и ночи», «Море»).

Лирический герой Фета стремится слиться с запредельным. Только жизнь в запредельном дает ему возможность пережить состояние абсолютной свободы. Но в это запредельное человека ведет природа. Растворяясь в природном мире, погружаясь в самые таинственные ее глубины, герой Фета обретает способность видеть прекрасную душу природы. Самый счастливый миг для него — ощущение полного слияния с природой:

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листья,
И я слышу, как сердце цветет.

Цветение сердца — символ духовного соединения с природой (причем такого соединения, которое происходит как эстетическое переживание). Чем сильнее захватывает человека эстетическое переживание природы, тем дальше он уходит от реальности.

Обращения к природе в лирике Фета нет конца

Распахни мне объятия твои,
Густолистный, развесистый лес.

Лирическому герою хочется соединиться в объятии с лесом для того, чтобы «сладко вздохнуть».

Темы стихотворения «Шепот, робкое дыханье...» — природа, любовь. Свидание в саду. Таинственный полумрак. Безглагольность. «Музыка любви». Фет изображает не столько предметы, явления, сколько оттенки, тени, неопределенные эмоции. Любовная и пейзажная лирика сливаются в одно целое. Ключевые образы лирики Фета — «роза» и «соловей». «Пурпур розы» в финале переходит в торжествующую «зарю». Это символ света любви, восхода новой жизни — высшее выражение душевного подъема.

Можно утверждать, что творчество Фета знаменует новый этап в развитии русской романтической поэзии.

Тема любви в лирике А. А. Фета

Тема любви, одна из составляющих теории «чистого искусства», наиболее ярко отражена в лирике А. А. Фета и Ф. И. Тютчева. Вечная тема поэзии нашла у этих поэтов иное преломление и зазвучала несколько по-новому. Салтыков-Щедрин писал, что «теперь никто не отважится воспевать соловьев и розы». Для творчества Фета тема любви явилась основополагающей.

Создание прекрасных стихов о любви объясняется не только особенностями дарования поэта. Источником вдохновения для поэта была любовь его молодости — дочь сербского помещика Мария Лазич. Любовь была столь сильна и высока, сколь и трагична. Лазич знала, что Фет никогда не женится на ней, тем не менее ее последними словам перед смертью было восклицание: «Виноват не он, а я!» Обстоятельства ее смерти так и не выяснены, но есть основания полагать, что это было самоубийство. Сознание косвенной вины и тяжести утраты тяготило Фета на протяжении всей его жизни, и результатом этого явилось «двоемирие», чем-то подобное двоемирию Жуковского, классика романтизма. Современники отмечали холодность, расчетливость и даже некоторую жестокость Фета в повседневной жизни. Но какой контраст это составляет с другим миром Фета — миром его лирических переживаний, воплощенных в его стихотворениях.

Всю жизнь Жуковский верил в соединение с Машей Протасовой в другом мире, он жил этими мыслями. Фет также был погружен в свой собственный мир, ведь только в нем возможно единение с любимой. Фет ощущает себя и любимую (свое «второе я») нераздельно слитыми в другом бытии, реально продолжающемся в мире поэзии: «И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить, но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить» («Alter ego»). Поэт постоянно ощущает духовную близость со своей любимой. Об этом стихотворение «Ты отстрадала, я еще страдаю...», «В тиши и мраке таинственной ночи...». Он дает любимой торжественное обещание: «Я пронесу твой свет через жизнь земную: он мой — и с ним двойное бытие» («Томительно-призывно и напрасно...»).

В поэме «Сон», посвященной Марии Лазич, эти мотивы ощущаются особенно четко. В поэме есть автобиографическая основа: в поручике Лосеве легко распознается сам Фет, а средневековый дом, где он остановился, также имеет свой прототип в Дерпте. Комическое описание «клуба чертей» сменяется неким морализаторским аспектом:

поручик колеблется в своем выборе, и ему вспоминается совсем иной образ — образ его давно умершей любимой. К ней он обращается за советом: «О, что б сказал ты, кого назвать при этих грешных помыслах не смею».

В критике отмечалось соответствие этих строк словам Вергилия к Данте о том, что «как язычник, он не может сопровождать его в рай, и в спутники ему дается Беатриче». Образ Марии Лазич (а это, несомненно, она) для Фета является нравственным идеалом, вся жизнь поэта — это стремление к идеалу и надежда на воссоединение с любимой.

Но любовная лирика Фета наполнена не только чувством надежда и упования. Она глубоко трагична. Ведь чувство любви очень противоречиво и чаще всего несет не только счастье, но и муки. В стихах Фета часто встречаются такие сочетания, как «радость — страдание»: «блаженство страданий», «сладость тайных мук». Стихотворение «На заре ты ее не буди» все наполнено таким двояким смыслом. На первый взгляд перед нами безмятежная картина утреннего сна девушки. Но уже второе четверостишие сообщает какой-то напряжением и разрушает эту безмятежность:

И подушка ее горяча, и горяч утомительный сон.

Появление «странных» эпитетов, таких как «утомительный», указывает уже не на безмятежность, а на какое-то болезненное состояние, близкое к бреду. Далее объясняется причина этого состояния, стихотворение доходит до кульминации: «Все бледней становилась она, сердце билось больней и больней». Напряжение нарастает, и вдруг последнее четверостишие совершенно меняет картину, оставляя читателя в недоумении: «Не буди ж ты ее, не буди, на заре она сладко так спит». Эти строки представляют контраст с серединой стихотворения и возвращают нас к гармонии первых строк, но уже на новом витке. Призыв «не буди ж ты ее» звучит уже как крик души. Такой же порыв страсти чувствуется и в стихотворении «Сияла ночь. Луной был полон сад», посвященном Татьяне Берс. Напряжение подчеркивается рефреном: «Тебя любить, обнять и плакать над тобой». В этом стихотворении тихая картина ночного сада сменяется и констатирует с бурей в душе поэта: «Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали, как и сердца у нас за песнею твоей».

«Томительная и скучная» жизнь противопоставлена «сердца жгучей муке», цель жизни сосредоточена в едином порыве души, путь даже в нем она сгорает дотла. Для Фета любовь — костер, как и поэзия — пламя, в котором сгорает душа. «Ужель ничто тебе в то время не шепнуло: там человек сгорел!» — восклицает Фет в стихотворении «Когда читала ты мучительные строки...». Похоже, что так же Фет мог сказать о собственных муках любовных переживаний. Но один раз «сгорев», то есть пережив настоящую любовь, Фет, тем не менее, не опустошен, он на всю жизнь сохранил в памяти свежесть этих чувств и образ любимой.

Как-то Фета спросили, как может он в его годы так по-юношески писать о любви. Он ответил: «По памяти». Литературовед Благой говорит, что Фет отличается исключительно прочной поэтической памятью, и приводит в пример стихотворение «На качелях», толчком для написания которого явилось воспоминание 40-летней давности (стихотворение написано в 1890 году). Фет в письме к Полонскому вспоминал, как «сорок лет тому назад я качался на качелях с девушкой, стоя на доске, а платье ее трещало от ветра», наиболее памятна для поэта-музыканта. Вся поэзия Фета построена на звуках, переливах и звуковых образах.

И. В. Тургенев говорил о Фете, что ждет от поэта стихотворения, последние строки которого надо будет передавать лишь безмолвным шевелением губ. Ярким примером может служить стихотворение «Шепот, робкое дыхание...», которое построено на одних существительных и прилагательных, без единого глагола:

Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица.
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы, и заря, заря!..

Запятые и восклицательный знак также передают величие и напряжение момента с реалистической конкретностью. Это стихотворение создает точный образ, который при близком рассмотрении являет хаос, «ряд волшебных», неуловимых для человеческого глаза «изменений», а в отдалении — точную картину.

Фет, как импрессионист, основывает свою позицию, в частности — описание любовных переживаний и воспоминаний, на непосредственной фиксации своих субъективных наблюдений и впечатлений. Сгущение, но не смешение красочных мазков, как на картинах Моне, придает описанию любовных переживаний кульминационность и предельную четкость образу любимой. Какова же она? еще А. Григорьев отметил у Фета страсть к волосам, имея в виду рассказ «Кактус». Эта страсть не раз проявляется в фетовских стихах: «люблю на локон твой засматриваться длинный», «кудрей руно златое», «тяжким узлом набежавшие косы», «прядь пушистая волос» и «косы лентой с обеих сторон». Хотя эти описания и носят несколько общий характер, тем не менее создается довольно четкий образ прекрасной девушки.

По-другому Фет описывает ее глаза. То это «лучистый взор», то «недвижные очи, безумные очи» (аналогично стихотворению Ф. Тютчева «Я очи знал, о эти очи»). «Твой взор открытый и бесстрашный», — пишет Фет, и в этом же стихотворении он говорит о «тонких линиях идеала». Возлюбленная для Фета — нравственный судья и идеал. Она имеет большую власть над поэтом на протяжении всей его жизни, хотя уже в 1850 году, вскоре после смерти Лазич, Фет пишет, что идеальный мир для него разрушен давно.

Влияние любимой женщины на поэта ощутимо и в стихотворении «Долго снились мне вопли рыданий твоих». Поэт называет себя «несчастливым палачом», он остро чувствует свою вину за гибель любимой, и наказанием за это явились «две капельки слез» и «холодная дрожь», которые он в «бессонные ночи навек перенес».

Биографии этих двух поэтов во многом сходны — оба пережили смерть любимой женщины, и безмерная тоска по утерянному давала пищу для создания прекрасных любовных стихотворений. В случае с Фетом этот факт кажется наиболее странным — как можно сначала «губить» девушку, а затем всю жизнь писать о ней возвышенные стихи? Видимо, потеря произвела на Фета столь глубокое впечатление, что поэт пережил некий катарсис, и результатом этого страдания явился гений Фета — он был допущен в высокую сферу поэзии, все его описание любовных переживаний и ощущение трагизма любви так сильно действует на читателя потому, что Фет сам пережил их, а его творческий гений облек эти переживания в стихотворную форму. Только могущество поэзии смогло передать их, следуя тютчевскому изречению:

мысль изреченная есть ложь. Фет сам неоднократно говорит о могуществе поэзии: «Как богат я в безумных стихах».

Любовная лирика Фета дает возможность глубже проникнуть в его общефилософские, а соответственно, и в эстетические взгляды; это касается и решения им вопроса об отношении искусства и действительности. Любовь, как и поэзия, по Фету, относится к другому, потустороннему миру, который дорог и близок автору. В своих стихах о любви Фет выступал «не как воинствующий проповедник «чистого искусства» в противовес шестидесятникам создавал свой собственный и самоценный мир» (по словам Благого). И мир этот наполнен истинными переживаниями, духовными стремлениями и глубоким чувством надежды, отраженными в любовной лирике поэта.

“Поэзия Фета — сама природа, зеркально глядящая через человеческую душу...” (К. Бальмонт)

В личности Афансия Фета удивительным образом сошлись два абсолютно разных человека: огрубелый, сильной тертый, битый жизнью практик и вдохновенный, неутомимый буквально до последнего вздоха (а умер он в возрасте 72 лет) певец красоты и любви.

Сын мелкого немецкого чиновника, Фет был за взятку записан сыном орловского помещика Шеншина, который увез мать поэта от его отца. Но обман раскрылся, и Фет в течение многих лет испытывал на себе, что значит быть незаконнорожденным, что значит лишиться статуса дворянского сына. Он пытался «выслужить» дворянство, но 13 лет армейской и гвардейской лямки ничего не дали. Тогда он женился по расчету на старой и богатой, стал жестоким и прижимистым сельским хозяином-эксплуататором.

Революционерам и даже либералам Фет никогда не сочувствовал и, чтобы достичь желаемого дворянства, долго и громко демонстрировал свои верноподданнические чувства. И только когда Фету было уже 53 года, Александр II наложил благоприятную резолюцию на его прошение. Тридцатилетний Пушкин считал оскорблением пожалование ему царем камер-юнкерского звания (это придворный чин, обычно даваемый молодым людям до 20 лет), а Фет выхлопотал себе камер-юнкерство уже в 70 лет.

И при этом Фет писал божественные стихи:

Полуразрушенный, полужилец могилы,
О таинствах любви зачем ты нам поешь?
Зачем, куда тебя домчать не могут силы,
Как дерзкий юноша, один ты нас зовешь?
Томлюся и пою. Ты слушаешь и млеешь;
В напевах старческих твой юный дух живет.
Цыганка старая одна еще поет.

Но какая сила чувства, мощь поэзии, какое страстное, юношеское отношение к красоте, к любви! Поэзия Фета недолго имела успех у современников в 40-е годы, а в 70—80-х годах это был успех весьма камерный. Но массам Фет был знаком, хотя они не всегда знали, что популярные романсы, которые они распевают (в том числе и

цыганские), на слова Фета. «О, долго буду я в молчанье ночи тайной», «Какое счастье! и ночь, и мы одни», «Сияла ночь. Луной был полон сад», «Давно в любви отрады мало», «В дымке-невидимке» и, конечно, «Я тебе ничего не скажу» и «На заре ты ее не буди». Вот лишь немногие стихотворения Фета, положенные на музыку разными композиторами.

Тематическая лирика Фета крайне бедна: красота природы и женская любовь, — вот и вся тематика. Но какой огромной мощи достигает Фет в этих узких пределах! Вот стихотворение 1883 года:

Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.

Это своеобразное философское учение о бытии Фета, хотя философской его лирику назвать трудно. Мир поэта очень узкий, но какой же прекрасный, полный изящества. Грязь жизни, проза и зло жизни не проникали в его поэзию никогда. Прав ли он в этом? Видимо, да, если видеть в поэзии искусство для искусства. Красота и должна быть главным в ней.

Гениальна лирика природы Фета: «Я пришел к тебе с приветом», «Шепот, робкое дыханье», «Какая грусть! Конеч аллеи», «Это утро, радость эта», «Жду я, тревогой объят» и множество других лирических миниатюр. Каждая являет собой неповторимый шедевр. Но есть общее: во всех них Фет утверждает единство, тождество жизни природы и жизни человеческой души. И поневоле задумываешься: где источник всего этого сам поэт, его умение видеть, его светлая, открытая красоте душа, каждое мгновение готовая восславить окружающую красоту?

В своей пейзажной лирике Фет выступает как антинигилист: если для тургеневского Базарова «природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник», то для Фета природа единственно храм, храм и фон прежде всего любви, роскошная декорация для тончайших сюжетных изгибов любовного чувства, а во-вторых — храм для вдохновения, умиления и молитвы красоте.

Любовь для Пушкина была проявлением высшей полноты жизни, а для Фета любовь есть единственное содержание человеческого бытия, единственная вера. Эту мысль он утверждает в своих стихах с необычайной силой. У него и сама природа любит не вместе, а вместо человека («В дымке-невидимке»). В то же время вполне в христианском духе Фет считает человеческую душу частицей небесного огня, божьей искрой, ниспосланной человеку для откровений, дерзаний, вдохновения («Ласточки», «Учись у них — у дуба, у березы»). Удивительны поздние стихи Фета, 80—90-х годов. Дряхлый старик в жизни, в поэзии он превращается в горячего юношу, все мысли которого о любви, о буйстве жизни, о трепете молодости («Нет, я не изменил», «Моего тот безумства желал», «Люби меня! Как только твой покорный», «Еще люблю, еще томлюсь»).

Вот «Я тебе ничего не скажу», датированное 2 сентября 1885 года. В нем выражена часто встречающаяся у романтиков мысль о том, что словами нельзя передать жизнь

души, тонкость чувства. Например, стихотворение Фета «Как мошки зарею» (1844) кончается мечтой «О, если б без слова сказать душой было можно!». Поэтому любовно свидание, как всегда в окружении роскошной природы, открывается молчанием: «Я тебе ничего не скажу...».

Впрочем, назвать Фета романтиком затруднительно: очень уж он «земной». Тем не менее уделом героя стихотворения остается «молча твердить» слова любовного признания. И этот оксюморон (сочетание контрастных по смыслу слов) становится главным словесно-художественным образом стихотворения. Но все-таки почему он молчит? Какая мотивировка дается этому? Вторая строка уточняет: «Я тебя не встревожу ничуть». Да, как свидетельствуют другие стихотворения, его любовь может и встревожить, взволновать девственную душу его избранницы своими «томленьями» и даже «содроганьями». Есть и другое объяснение, оно в последней строке второй строфы: «есть «сердце цвете», подобно ночным цветам, о которых сообщается в начале строфы. Во тождество человеческой души и природы, выраженное, как и во многих других произведениях Фета, с помощью особого художественного приема, называемого психологическим параллелизмом. К тому же грудь, то есть вместилище эмоционально-духовного начала, героя «больная, усталая» (первая строка третьей, последней строфы). «Я дрожу» — от ночного ли холодка или от каких-то внутренних душевных причин. И поэтому конец стихотворения зеркально повторяет начало: «Я тебя не встревожу ничуть, я тебе ничего не скажу».

Трехстопный анапест стихотворения звучит напевно: «Я тебе ничего не скажу» неоднократно вдохновляло многих композиторов. Стихотворение привлекает тонкостью и изяществом выраженных в нем чувств и естественностью, негромкой простотой их словесного выражения.

О лирических стихах Фета и сегодня можно сказать немного старомодно, что они прекрасны!

Основные мотивы и образы поэзии А. А. Фета

Лирика Афанасия Фета открывает нам мир поразительной красоты, гармонии и совершенства, три составляющие которого — природа, любовь и песня.

Фета можно назвать певцом русской природы. Приближение весны и осеннее увядание, душистая летняя ночь и морозный день, раскинувшееся без конца и края ржаное поле и густой тенистый лес — обо всем этом пишет он в своих стихах. Природа у Фета всегда спокойная, притихшая, она как будто замерла. И в то же время она удивительно богата звуками и красками, живет своей жизнью:

Я пришел к тебе с приветом,
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало.

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепнулся
И весенней полон жаждой...

Изображение природы у Фета наполнено зачаровывающей романтикой:

Что за звук в полумраке вечернем?
Бог весть! —
То кулик простонал или сыч.
Расставанье в нем есть, и страданье в нем есть,
И далекий неведомый клич.
Точно грезы больные бессонных ночей
В этом плачущем звуке слиты...

Природа у Фета живет своей собственной таинственной жизнью, а человек может быть к ней причастен только на вершине своего духовного развития.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рошу зайдет,
Раскрываются тихо листья,
И я слышу, как сердце цветет.

Со временем в стихах Фета находим все больше параллелей жизни природы и человека. Ощущение гармонии наполняет строки поэта:

Солнца уж нет, нет и дня неустанных стремлений,
Только закат будет долго чуть зримо гореть;
О, если бы небо сулило без тяжких томлений.
Так же и мне, оглянувшись на жизнь, умереть!..

А. А. Фет не воспевает страстные чувства в его стихах мы не находим слов глубокого отчаяния или восторга. Он пишет о самом простом — о дожде и снеге, о море и горах, о лесе, о звездах, передавая нам свои минутные впечатления, запечатлевая мгновения красоты. Светом и покоем наполнены такие поэтические шедевры Афанасия Фета, как «Шепот, робкое дыханье...», «Я пришел к тебе с приветом...», «На заре ты ее не буди...», «Заря прощается с землею...» и другие.

Красота и естественность его поэзии совершенны, его стихи выразительны и музыкальны. «Это не просто поэт, а скорее поэт-музыкант...» — говорил о нем Чайковский. На стихи Фета было написано множество романсов, которые получили широкую известность.

Поэт передает в своих стихах «благоухающую свежесть чувство», навеянных природой. Его стихи проникнуты светлым, радостным настроением, счастьем любви. Даже самые малейшие движения человеческой души не ускользают от внимательного взгляда поэта — он необычайно тонко передает все оттенки переживший человека:

Шепот, робкое дыханье,
Трели соловья,
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!..

В поэзии Фета почти нет действия. Чем сильнее захватывает поэта эстетическое восприятие мира, тем больше он удаляется от прозаичности. Надо сказать, что ее практически нет в чистейшей поэзии Фета. Каждое его стихотворение — это целая гамма впечатлений, мыслей, радостей и печалей. Подтверждением этой мысли служат такие из стихотворений Афанасия Фета, как «Луч твой, летящий далеко...», «Недвижные очи, безумные очи...», «Солнца луч промеж лип...», «Тебе в молчании я простираю руку...».

Лирика этого интереснейшего русского поэта вечна благодаря отражению в ней чувств и переживаний, которые испытывает человек, не лишенный чувства прекрасного. Стихотворения Афанасия Фета трогают самые сокровенные струны души, передают нам ощущение удивительной гармонии окружающего мира.